

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

**УБИЙСТВО
ПО ШЕКСПИРУ**

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Оформление *Екатерина Фerez*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Ранее книга издавалась под названием «Коварство без любви»

Соболева, Лариса

С54 Убийство по Шекспиру: [роман] / Лариса
Соболева. – Москва : АСТ, 2014. – 349, [3] с. –
(Детектив по новым правилам).

ISBN 978-5-17-083142-5

Одно дело играть трагедию на сцене перед зрителями и совсем другое – быть ее участником в жизни. Все служители Мельпомены, начиная от актеров и кончая рабочими сцены, пребывали в шоке. Ведь совершенно очевидно, что одновременно два актера не могли уйти из жизни просто так, значит, им кто-то помог покинуть этот мир. Главный герой и героиня пьесы «Коварство и любовь» недвижимо лежали на сцене. Из-за грима они выглядели манекенами, а не людьми, небрежно брошенными куклами. Возле тел уже суетились оперативники. Здесь, на сцене, произошло нечто страшное. Но что? Похоже, кто-то из присутствующих выбрал удачный момент и убил артистов прямо во время спектакля. Загадочная смерть заставила каждого невольного участника трагедии посмотреть вокруг себя: кто убийца?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Соболева Л.
© ООО «Издательство АСТ»

Боже, помоги мне смириться с тем,
что я не в силах уразуметь.
Боже, помоги мне уразуметь то,
с чем я не в силах смириться.
Упаси меня, Боже, перепутать
одно с другим.

Старинная испанская молитва

Все события и персонажи вымышленные. Всякое сходство с реально существующими лицами — случайное совпадение.

*С уважением к читателю
Автор*

I. НЕ ХОТИТЕ ЛИ ГЛОТОЧЕК ЯДА?

1

Шел спектакль под интригующим названием «Коварство и любовь». В полутемном зале Заречный Степа́н томился второй час, порой отключаясь, и тогда в ускользящем сознании терялось время и место. Но когда вдруг тоненькая струйка пота, текущая по спине в результате напряжения от неудобной позы, возвращала в реальность, он сонно смотрел на сцену, а чаще на Яну. На нее смотреть куда интересней, потому что реакция Яны на происходящее на сцене была потрясающе живая. Она, не отрывая глаз, следила за персонажами, вздыхала, сводила бровки к переносице, все ее переживания отражались на ее хорошеньком личике. Степа́н честно пытался понять, что же так занимало Янку, но хватало его на пять минут, не больше, потом он снова отключался.

Артисты играли натужно, будто отбывали повинность. Они то бубнили под нос, из-за чего фразы сливались и напоминали тягучую молитву, то внезапно оглашали зал воплями так, что Степа́н вздрагивал. Женщины заламывали руки, рыдали по

ничтожному поводу, и, что удивительно, слезы текли по их лицам настоящие. Особенно старалась главная героиня, создавалось впечатление, будто к глазам ее подведен кран, стоит его открутить, и нате вам — слезы в три ручья. Правда, она актриса, обязана уметь смеяться и плакать по заказу. Все равно Степе это не нравилось, и он отворачивался.

Мужчины в камзолах, в коротких штанах и париках произносили высокопарные фразы, какие ни один нормальный человек не скажет. Такими напыщенными словами подавиться можно, Степе неловко было воспринимать их на слух, а уж говорить... никогда. Господа пыжились, при этом зверски тарасили глаза, можно было подумать, их мучили желудочные колики. Короче, скука смертная.

Когда Яна замечала, что Степа смотрит не туда, куда надо, то есть не на сцену, а на нее, она ладошкой, прикоснувшись к его щеке, поворачивала его лицо носом к сцене, и он вновь заставлял себя сосредоточиться на спектакле.

Но вот две женщины заговорили друг с другом неестественными голосами. Одна из них, в пышном платье и высоком парике, постоянно обмахивалась веером почему-то в районе паха. Говорили они долго. Очень долго. Степа придвинулся к Яне и зашептал:

— Кто эти две тетки?

— Леди Мильфорд и Луиза, — сказала Яна и тут же добавила: — Перестань дурака валять.

— Я не валяю. Я запутался. Кто из них кто?

— Леди Мильфорд — любовница герцога, но любит Фердинанда, она в шикарном платье. А Луиза в скромном платье, она тоже любит Фердинанда.

— Понял. А он их обеих не любит, да?

— Почему это? — и Яна уставилась на него с самым грозным видом.

— Ну, они же страшенькие. У леди лицо

8 лошадиное, а у...

— Не мешай! — прошипела Яна и переключилась на сцену.

А в зале стояла тишина, словно в нем никого нет. Степа оглянулся. Зрители сидели квадратно-гнездовым способом, то есть рассеялись по залу, и было их мало-мало. Все таращились на сцену, будто там на самом деле происходило интересное действие. Степа (в который раз!) сделал над собой усилие и попытался вникнуть, в чем тут дело. Не вник. Уж потянулся третий час заточения в театре, посему захотелось взвыть: кончайте эту нудьгу, хочу домой! Но, судя по всему, нудьга закончится еще не скоро. Он развалился в кресле, практически лег, изучил потолок с огромной люстрой и прикрыл глаза ладонью, намереваясь поспать. Изредка бросал взгляды на сцену сквозь пальцы.

Роль одного из папаш играл круглый, как шар, актер, который вызывал у Степана Заречного отвращение. А фамилия у него летняя, солнечная — Подсолнух. Прошлой зимой было дело... собственно, дела не завели за неимением улик, ничего не удалось доказать, но артист Степана тогда очень интересовал, ну очень. По его мнению, это потрясающий циник, каких поискать, и сволочь. Сейчас, когда этот циник высокопарно вещал про грех, любовь и прочее, Заречный нечаянно... застонал. Это был стон человека, который не может слышать откровенную ложь и видеть притворство.

По залу прокатился смешок...

Яна толкнула его в бок локтем, а Степа прикрыл пальцами рот, изобразив виноватую мину. «Все, — сказал себе, — буду колоть подозреваемых на спектаклях нашего театра. Этой пытки ни один не выдержит». Он закрыл глаза, решив не открывать их до конца, и вдруг..

— Яд! Яд! Господи Иисусе! — внезапно заголосила женщина.

— У кого яд? — востропнулся Степа, вызвав новый смехок в зале.

— Я тебя убью! — прошипела рядом Яна.

— Ты выпила его в честь смерти! — возвестил актер на сцене.

— Яд в лимонаде... Смерть... — уже не вопила, а шептала, страшно выпучив глазищи, та, которая была одета в скромное платье, то есть главная героиня.

Степа заинтересовался и испугался одновременно. Убийство — по его части, как-никак, а он оперуполномоченный уголовного розыска, поэтому интересно. Но убийство — это же всегда начало! Неужели спектакль только начинается? А до этого что было?! Поэтому испугался.

— Ужели мне нет спасения? — лепетала актриса, страдая. Кстати, все актеры без исключения страдали, страдали и страдали. — Так молода — и спасения нет? И... уже... сейчас... туда?.. Фердинанд!..

«Ну, про молодость она загнула, — подумал Степа. — Но играет ничего. Душевно».

— Спасения нет — тебе уже сейчас придется уйти *туда*. Не беспокойся, мы совершим... это... путешествие вместе...

Это сказал тот самый Фердинанд, в которого влюблены тети. Ага, значит, и он выпил лимонад с ядом.

— И ты, Фердинанд? Значит, яд... это ты?.. — задыхалась актриса.

«А, так он отравил ее и себя», — наконец дошло до Степы. Стало интересно, как они будут умирать.

Актриса бухнулась на колени, с ее лицом произошла метаморфоза: она как будто подавилась и никак не могла проглотить то, чем подавилась. Пальцами схватилась за вырез декольте и принялась рвать его. Довольно натурально промямила:

— Я умираю... умираю...

После этих слов свалилась как сноп. Некрасиво свалилась. И дерг-дерг всем телом. Надо

полагать, изображала предсмертные судороги. Степа никогда не видел смерть от яда, разве что в кино, и с отравителями не имел дел пока, потому окончательно проснулся и с любопытством следил за долгожданными событиями. Он вытянул шею, желая рассмотреть смерть от яда до тонкостей.

Актриса дергалась, а персонаж под именем Фердинанд открывал и закрывал рот, как рыба без воды. У него подкосились ноги, Фердинанд упал на четвереньки, с ужасом смотрел на партнершу, издающую хрип, хотел встать — не получилось. Тогда протянул руку к кулисам и наконец-то (!) родил слова:

— Мне... Что это?.. Ко мне... пожалуйста...

— Пустите меня! Пустите! — раздался дикий вопль, и на сцену выкатился тот самый актер по фамилии Подсолнух, который вызывал у Степы отвращение. Он пошел к лежащей на полу актрисе на слабеньких ногах, будто больной дистрофией, а внешне тянет на японского борца сумо, только маленький. — Дитя мое! Я слышал, здесь кто-то принял яд? Дочь моя! Дочь!

Дочь ни звука. «Померла», — догадался Степа.

Фердинанд свалился на бок и подавал какие-то знаки папаше.

Папаша, судя по всему, не понимал, чего хочет отравитель его дочери, повалился всей своей тушей на несчастную и смешно зарыдал. А Степа поморщился, ему показалось, что косточки актрисы хрустнули под тяжестью Подсолнуха.

Фердинанд приступил к дерганью. Видимо, не хватило фантазии умереть позэффектнее и не так, как умирала партнерша.

Но вот дальше получилось все скомканно. Создалось впечатление, что артисты плохо выучили текст, а подсказать им было некому. На сцену вбежали еще двое, один — тоже толстый, но высокий — держал письмо и затряс им, оглашая зал дурацким басом:

— Сын мой! Я никогда не поверю...

Пауза. Второй папаша, который с письмом (Степа не запомнил ни одного имени, кроме Фердинанда), выжидающе замер, глядя на два трупа.

Еще один товарищ, третий по счету и худой, ни с того ни с сего давай кричать, словно только что выслушал обвинения:

— Я всему виной? Занятно! Разве я имел право тебе приказывать? Пусть я сейчас погибну, но вместе со мной и ты! Эй, люди! Кричите на всех перекрестках: «Убийство!» Разбудите судебные власти! Стража, вяжи меня! Я открою такие тайны...

И снова пауза. Трое живых переглядывались.

— Отравитель! — выбросил вперед руку с указующим перстом папаша над трупом дочери. Но почему-то указывал на папашу с письмом, а не на Фердинанда.

«Бессмыслица», — подумал Степа.

— Сын мой! — сказал трагическим басом папаша с письмом. — Ужели единый взгляд твой — последняя моя отрада — не упадет на меня? Нет? (На сцену выскочили стражники, оторопело топтались, очевидно, не знали, что им делать). Теперь берите меня!

Стражники радостно схватили папашу с письмом, и не успел Степа глазом моргнуть, как дали занавес. Он первый воодушевленно заплодировал, безумно радуясь концу спектакля. На поклон вышли растерянные артисты — среди них не было тех двоих, персонажи которых умерли от яда, — быстро раскланялись и побежали за кулисы, наскაკивая друг на друга.

Степа забрал из гардероба пальто Яны и свою куртку, помог одеться девушке. Вышли из здания театра и побрели медленно по пустынной и мокрой улице — за время спектакля ее вымыл осенний дождик. Фонари по обеим сторонам дороги от влажного воздуха выглядели тускло светящимися овалами, создавали уют. Да, конец

октября, осень стремительно приближается к зиме, скоро облетят последние листья с деревьев, и

природа надолго уснет. Степа ощутил в душе приятное чувство покоя, когда не надо никуда спешить, ни за кем гоняться, а можно идти вот так медленно по улице, наслаждаясь свободным временем. Он обнял за плечи Яну, но она вскипела, сбросив его руку:

— Тебя нельзя водить в культурные заведения! Ты как себя вел? Стонал, вздыхал, храпел! Это в театре! Еще и реплики бросал на весь зал!

— Скучно было, — оправдался Степа и притянул ее к себе. — Янка, не сердись. Не люблю спектаклей, плохую игру... Какое мне дело до их надуманных, вычурных страданий. Зато я люблю тебя.

— Любишь! — надула губки Яна. — Мы с тобой никуда не ходим...

— В бассейн ходим, — напомнил он.

— Редко! Тебе даже жениться на мне некогда. Или ты передумал?

— Попробовал бы я! — хмыкнул Степа. — Ты тоже постоянно в институте, домой приходишь поздно. Как жениться, когда ночью и по выходным не женят?

— Степа, — Яна вздернула красивый носик, — на это всегда можно найти время. Но мне кажется, что ты в свою работу влюблен больше, чем в меня. А помнишь, как сегодняшняя пьеса называется? «Коварство и любовь»? А помнишь, чем закончился спектакль?

— Это что, угрозы? Шантаж? — делано испугался он, вытаращив глаза точь-в-точь как артисты.

— Именно, — подтвердила Яна. — Не хочешь, чтоб я тебе в кефир подсыпала яда? Не хочешь?

— Я хочу вот что...

Степа сгрел Янку и... О, как чудесно целоваться на пустой улице в тихую ночь! Как великолепно, что тебе не восемьдесят лет, а только стукнуло двадцать семь и все самое интересное впереди! Как приятно вдыхать влажный воздух, перемешанный с запахом рыжих волос Янки! Как здорово, что так будет всю жизнь!..

Мимо промчалась машина. Степа оторвался от Яны, проследил за ней. Машина милицейская, а остановилась у театра, где уже стояла карета «Скорой помощи». Выпрыгнули милиционеры, торопливо вбежали в здание. Степа взял Яну за руку и потянул к театру.

— Куда ты?.. Нам не в ту сторону, — растерянно бормотала она.

Подойдя к машине, отпустил девушку, заглянул внутрь. За рулем сидел знакомый водитель, поздоровались.

— Что случилось? — спросил его Степа.

— Да позвонили... трупы, говорят, на сцене лежат.

— Что?! Ну-ка, Янка, полезай в машину и жди меня.

Девушка что-то пробурчала в ответ, но Степа рванул в здание театра. Разочарованно вздохнув, Яна залезла в машину, села на сиденье и нахохлилась. Водитель решил завязать разговор:

— А кто ж ты такая будешь нашему Степе?

— Де-юре — невеста, а де-факто — жена, — ответила Яна и отвернулась к окну.

Не завязался разговор, девушка не в настроении. Водитель решил вздремнуть.

2

— Туда нельзя! — встретили его шепотом перепуганные билетеры.

Показав удостоверение, Степа попросил провести его к месту происшествия. Администратор — крупная женщина с неприветливым лицом — проводила его к сцене через зал, в котором десять минут назад он так маялся.

Занавес был открыт, два тела неподвижно лежали на первом плане сцены, отчетливо выделяясь на полу розово-лиловыми одеждами. Наме-

танный глаз Степана сразу заметил, что произошли изменения — убраны стол и кресла. Актеры в гриме и костюмах жались друг к дружке у кулис, не сводили потрясенных глаз с тех, кто так и остался лежать в последней мизансцене. Здесь же, у портала сцены, находились и те, кто обслуживал спектакль, — рабочие в робе, гример, реквизитор, костюмеры. Все не понимали, что произошло, молча следили за работниками правоохранительных органов, которые бродили по сцене, казалось, бесцельно.

Крашенная в белый цвет и в крупных кудрях женщина что-то вполголоса рассказывала старшему опергруппы, кутаясь в вязаный жакет, хотя в театре было не холодно. Он заметил Заречного, идущего по залу, пошел навстречу, оба поздоровались за руку.

— Тут кое-что убрали со сцены, — сразу обратился Степа ко всем. — Верните на место стол и кресла.

Рабочие ринулись за кулисы, принесли мебель. Стол оказался пуст.

— Кто трогал со стола посуду? — строго спросил Степа и объяснил старшему опергруппы Микулину: — Я был на спектакле. Граждане, кто трогал посуду?..

— Я... — заблелая пожилая женщина, испуганно мигая веками.

— Послушайте, — кисло протянул Микулин, — разве не смотрите кино? Разве не знаете, что трогать в таких случаях ничего нельзя?

— Но... понимаете... — продолжила та, — у нас выстроен поклон. Как только дают последнюю реплику — идет занавес, а мы за занавесом... тоже идем. Мы должны убрать реквизит и мебель... Это поставлено режиссером. Актеры кланяются уже на пустой сцене... Я и забрала со стола... чтобы рабочие не разбили посуду... она дорогая.

— Но актеры кланялись перед занавесом, — припомнил Степа.